

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Саттарова Рузиля Раильевича «Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.)», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 - Археология

Актуальность диссертации Р.Р. Саттарова прежде всего обусловлена тем фактором, что несмотря на богатство погребального инвентаря пьяноборских могильников в их погребениях отсутствуют местные материалы, по которым можно было бы установить абсолютную хронологию. Это возможно сделать только по находкам артефактов, связанных своим происхождением с античными древностями Северного Причерноморья, хронология которых достаточно хорошо разработана. Однако обобщающей работы, где бы на современном научно-методическом уровне были систематизированы данные по античным импортам в пьяноборских древностях до сих пор подготовлено не было.

К импортам Р.Р. Саттаров относит предметы, для производства которых в пьяноборской культуре отсутствуют соответствующие технологии и материалы, а так же предметы, появившиеся здесь в готовом виде, при отсутствии местных прототипов, для которых известны достоверные факты производства и распространения их за пределами пьяноборского ареала. Однако материалы, которые отсутствуют на пьяноборской территории, тоже могли импортироваться и впоследствии из них могли производиться местные артефакты, о чем, например, свидетельствуют находки типичных пьяноборских подвесок из золота. Кроме того, автор исследования допускает возможность импортирования не только предметов, но и идей, однако подобные идеи лежат в основе любой технологии. Следовательно, отсутствие на местах материалов и технологий еще не является безусловным признаком неместного происхождения предмета, да и тот факт, что какая-то конкретная технологии была неизвестна местному населению, нуждается в дополнительном доказательстве. Не всегда работает и критерий наличия местных прототипов, поскольку зачастую их очень сложно установить. Некоторые артефакты заимствуются в виде идей, и их сходство с исходными прототипами может быть весьма отдаленным и не особенно очевидным. Известны и случаи обратного порядка, когда импортные предметы становятся прототипами местных изделий, как, например, пряжки с неподвижным язычком.

На наш взгляд, более важным показателем импортного происхождения предмета является хронологический приоритет его полных или близких аналогов в материалах других культур, где документировано достаточно широкое

распространение, либо длительное бытование этого артефакта, что обычно свидетельствует о его производстве на указанной территории или регулярном получении из какого-то другого источника.

Судя по содержанию диссертации, понятие «импорт» используется её автором в «широком значении» этого слова, когда к данной категории относится всё, что имеет неместное происхождение. Между тем импортом в «узком значении» этого термина являются только предметы, целенаправленно доставленные на определенную территорию и полученные в отрыве от их производителей. Перемещение артефактов вместе с их хозяевами это уже не импорт, а миграция. Важной характеристикой импорта также является его массовость. Данный признак подтверждает факт целенаправленного получения вещей в ходе торговли и обмена, свидетельствуя об их не случайном попадании в комплексы автохтонного населения. Поэтому в диссертации следовало бы более четко разграничить понятия импорта в его разных значениях.

Несмотря на то, что указанные критерии не прописаны автором во введении к диссертации, они в большинстве случаев учтены им в исследовании. Тем не менее, первоочередное внимание к показателям, которые не являются определяющими, в ряде случаев приводит автора к тому, что в разряд импортов попадают изделия, неместное происхождение которых носит дискуссионный характер. С другой стороны из данного списка выпадают некоторые артефакты, отвечающие признакам импортных изделий.

Степень изученности заявленной в диссертации проблемы по справедливому заключению автора представляется весьма неравномерной. Достаточно хорошо исследованы отдельные категории импорта: римские изделия, фибулы, предметы вооружения. Однако практически не изучена самая массовая категория материала – античные бусы, на основе анализа которых сделаны наиболее важные выводы диссертации.

Территориальные рамки исследования охватывают ареал пьяноборской культуры: бассейны рек Средней Камы и Нижней Белой.

Хронологические рамки диссертаций справедливо определены автором в пределах с конца II в. до н. э. – по II в. н. э., что полностью соответствует уровню научного осмысления пьяноборских древностей на современном этапе их изучения.

Объектом исследования работы выступает материальная культура пьяноборского населения, а предметом её исследования являются импортные предметы в памятниках пьяноборской культуры.

Целью исследования диссертации определена характеристика импортов, как индикаторов межкультурных контактов. Для её решения автором ставятся задачи: охарактеризовать состояние изученности импортных предметов, а затем на основе их систематизации, определить этапы и направления поступления импорта на пьяноборскую территорию.

Уровню поставленных в диссертации задач в полном объеме соответствует проанализированная автором источниковая база исследования, насчитывающая материалы 29 пьяноборских памятников, на которых выявлено 7238 импортных предметов различного назначения. Недостатком источниковой базы является отсутствие в ней данных по бусинному материалу Ново-Сасыкульского могильника, который имеет ключевое значение для решения поставленных в диссертации задач. Данный памятник полностью раскопан и достаточно хорошо датирован находками фибул. Использование материалов этого памятника существенно увеличило бы источниковую базу по бусинному импорту.

Для решения задач исследования автор обоснованно использует методы классификации, сравнения, подбора аналогий, картографирования и др., а также учитывает результаты, полученные естественнонаучными методами.

Научная новизна исследования определяется тем, что автором впервые осуществлена систематизация всего массива импортных предметов на памятниках пьяноборской культуры, определены этапы и основные направления поступления импортов к пьяноборскому населению. При этом ряд выводов основан на материалах, полученных автором лично в ходе полевых и лабораторных исследований.

На защиту Р.Р. Саттаровым аргументировано выносятся положения о том, что процесс изучения импортов в пьяноборской культуре имел неравномерный характер, и данные о них в основном использовались исследователями для установления хронологии пьяноборских древностей. Имеющиеся материалы позволяют выделить два этапа поступления импортов: 1) конец II – I вв. до н.э., 2) I–II вв. н.э., которые характеризуются разной степенью интенсивности межкультурных контактов. На первом этапе поступления импортов фиксируется только южное направление, связанное с кочевниками-сарматами. На втором этапе к ним добавляются западные контакты с носителями памятников

писеральско-андреевского типа и юго-восточные связи с населением карабызской культуры.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы на 167 страницах и приложения на 157 страницах, состоящего из карт, рисунков, таблиц и каталога находок.

Первая глава посвящена истории изучения импортных предметов в материалах пьяноборской культуры, которая аргументированно подразделяется автором на четыре этапа, каждый из которых отличается рядом особенностей. В этой главе Р.Р. Саттаровым достаточно полно рассмотрены взгляды ведущих исследователей на ключевые проблемы изучения пьяноборских древностей. Особенное внимание в историографическом обзоре уделено изложению информации о расширении источниковой базы по импортным изделиям, а также освещению различных точек зрения на интерпретацию импортов.

Во второй главе диссертации дается классификация и систематизация импортных предметов, определяется их место в материальной культуре пьяноборского населения. В классификацию включены 17 категорий вещей, которые распределены по трем группам: предметы вооружения, элементы убранства костюма, предметы хозяйственно-бытового и ритуального назначения.

Предметы вооружения представлены мечами, кинжалами, палашами, наконечником двушипного дротика и единичными находками защитного вооружения. Р.Р. Саттаров приходит к выводу, что мечи и кинжалы являются предметами сарматского импорта, а палаши попали к пьяноборскому населению от носителей памятников писеральско-андреевского типа.

подавляющая часть мечей и кинжалов датируется автором исследованием I в. н.э., а палаши – концом I – первой половиной II в. н.э. Однако, судя по планиграфии полностью раскопанных могильников: Ново-Сасыкульского и Тарасовского, концентрация предметов вооружения на пьяноборских памятниках в основном приходится на последнюю треть I в. н. э. По наблюдениям Б.Б. Агеева, на одном хронологическом участке находятся все три погребения с клинковым оружием могильника Чеганда II (Агеев, 1992, с.65). По всей видимости, подобная концентрация находок оружия связана с периодом военной активности писеральско-андреевского населения. В эти события была вовлечена какая-то часть носителей пьяноборской культуры, принявшая участие в их походах, из которых они возвратились, отягощенные военными трофеями и античными импортами. Иначе сложно объяснить единичное присутствие перечисленных

категорий оружия в пьяноборских могильниках конца II – I вв. до н.э. Причем по мере угасания активности писеральско-андреевского населения клинковое оружие снова выходит из погребальной практики пьяноборских племен.

В пользу высказанного предположения также свидетельствует сходный набор предметов античного импорта (гривен со скользящей петлей, проволочных браслетов с конусовидным расширением на концах, фибул «Авцисса», бронзового ковша, общих типов античных бус) и сарматского вооружения в погребениях Ново-Сасыкульского могильника и поздних захоронениях Андреевского кургана. Тесные связи пьяноборского и писеральско-андреевского населения подтверждаются специфическими традициями оформления наконечников палашей в виде рожек с утолщением на концах, которые судя по прототипу из 125 погребения Охлебининского могильника (Воробьева, 2015, рис.2, 16) зародились в среде прикамского населения. По-видимому, здесь возникла и идея применения клинкового однолезвийного оружия, прообразом которого послужили длинные боевые ножи кара-абызской и пьяноборской культур.

Согласно историографической сводке В.В. Гришакова и С.Э. Зубова (2009) практически всеми действующими ныне исследователями писеральско-андреевских древностей признается участие в процессе сложения их носителей пьяноборской культуры. В силу чего вопрос об отнесении палашей к предметам писеральско-андреевского импорта не имеет однозначного решения. Приводимый Р.Р. Саттаровым аргумент количественного приоритета андреевских палашей над пьяноборскими не является убедительным, поскольку обусловлен различием погребальных традиций. По этой же причине не могут быть однозначно признаны писеральско-андреевскими импортами в пьяноборской культуре подвески в виде сапожек-получилиндриков и утиных лапок.

Более веские основания для отнесения к андреевским импортам имеют предметы, которые попали к писеральско-андреевскому населению из иноэтничной среды, а затем были транслированы в пьяноборскую культуру. Это застёжки-сюльгамы с завернутыми в трубочку концами, наиболее ранние экземпляры которых выполнены из железа. В Андреевском кургане подобные сюльгамы присутствуют уже в самых ранних грунтовых погребениях, совершенных не позже середины I века. Их происхождение, также как и двушипных копий связано с заимствованием у носителей постзарубинецких памятников. В материалах Тарасовского и Ново-Сасыкульского могильников железные сюльгамы подобной формы появляются в захоронениях второй

половины I века, где позже их начинают делать из бронзы. Причем на самых ранних бронзовых застёжках игла остается железной. Вероятно, по этим же каналам в пьяноборскую культуру попадают округлые железные пряжки без обоймы с подвижными язычками, что, например, подтверждается находками пряжек специфической формы, которые имеют округлое расширение на язычках. Подобные пряжки появляются в погребениях Писеральского и Андреевского курганов еще в первой половине I века, а в материалах Тарасовского могильника – не ранее конца этого столетия. По мнению Р.Р. Саттарова, андреевским импортом является пряжка «маркоманского» типа из Ново-Сасыкульского могильника. Однако данный вариант изделий не находит прямых аналогий среди «маркоманских» пряжек Андреевского кургана. Новосасыкульская находка по своей форме наиболее близка пряжкам из катакомбы 48 могильника Золотая Балка из Нижнего Поднепровья и склепа 550 крымского могильника Усть-Альма (Труфанов, 2004, с.163, рис.3, 8-10). По-видимому, в погребения Ново-Сасыкульского могильника она попала непосредственно с другими северо-причерноморскими трофеями, перечисленными двумя абзацами выше.

В разделе о вооружении также рассматривается вопрос о возможности отнесения к предметам сарматского импорта бронзовых наконечников стрел. Проанализировав их находки в материалах пьяноборских могильников, Р.Р. Саттаров приходит к выводу о дискуссионности данного тезиса. На наш взгляд, факт использования пьяноборским населением бронзовых наконечников в то время, когда они уже вышли из употребления у сарматов, однозначно свидетельствует о том, что уже ко II в. до н.э. подобные наконечники не являлись сарматским импортом.

Наиболее важным в диссертации является раздел по систематизации бус, которые являются самой многочисленной категорией находок. По сути, только бусы можно отнести к импорту в «узком значении» этого слова. Именно бусы в отличие от всех остальных вещей неместного происхождения поступали к пьяноборскому населению в массовом порядке и достаточно регулярно. Поэтому их находки выступают тем материалом, на основе которого следует реконструировать пути и определять хронологические этапы поступления импорта.

Важность данного раздела также обусловлена тем, что бусы на пьяноборских памятниках являются наименее изученным материалом. Это объясняется тем, что в силу специфичности их анализа археологи нередко

отказываются от их рассмотрения, полагая, что их изучение должно быть темой отдельного исследования. Поэтому если бы работа Р.Р. Саттарова была посвящена только бусам, то уже одного этого было бы достаточно для защиты диссертации по импортным изделиям в пьяноборской культуре.

Пожалуй, именно так я бы и поступил на месте диссертанта, отказавшись от того «информационного шума», который создают остальные импортные и псевдоимпортные предметы, ничего существенного не добавляя к пониманию путей и этапов поступления импорта на территорию пьяноборской культуры. Это позволило бы уделить бусам больше внимания и углубить наши знания о контексте их распределения, как в пространстве, так и во времени, как внутри отдельных памятников, так и среди локальных территорий, что помогло бы конкретизировать выводы по некоторым дискуссионным вопросам. Впрочем, нельзя не отметить, что и проделанная автором работа позволила получить новые важные знания, которые существенно изменили наши представления на проблему распространения импорта в пьяноборской культуре.

На основе анализа распространения различных типов бус в погребальных комплексах пьяноборских памятников, и с учетом ряда других хроноиндикаторов В.В. Саттаров выделяет два периода поступления импортов к местному населению бассейнов Камы и Белой. Первый период датируется концом II – I вв. до н.э., второй – I – II вв. н. э. При этом первый период выделяется на материалах всего 8 погребений, в которых, судя по Приложению 3, найдено 57 бусин. Причем в 4 погребениях зафиксировано всего по 1 датирующей бусине, еще в одном – 3.

Столь узкая источниковая база первого хронологического этапа может быть истолкована с нескольких позиций. 1). Нижняя хронологическая граница пьяноборской культуры сильно удревнена и массовое распространение её памятников относится к первому веку нашей эры. 2). На данном этапе отсутствует целенаправленное поступление импорта на территорию пьяноборской культуры и все, что найдено в погребениях является результатом эпизодических контактов с кочевниками-сарматами. С подобным заключением хорошо согласуется сообщение Страбона, где он объясняет, почему в его время не мог действовать торговый путь из Северного Причерноморья на Восток. «Причиной тому являлись враждебно настроенные кочевники, которые перекрыли все пути, идущие вглубь страны» (Страбон. География. XI, II, 2). 3). Недостаточная работоспособность методики, используемой для выделения этапов. Не исключено, что имеют место все перечисленные причины.

Ко второму этапу Р.Р. Саттаров относит материалы всех остальных погребений, с чем нельзя согласиться. По Приложению 8, где представлены узко датированные комплексы бус пьяноборской культуры, видно, что возможна их более дробная периодизация. По наборам бус 11 погребений датируются только II веком н.э., еще 3 погребения – только второй половиной II века н.э., 3 погребения – концом I – началом II века н.э., 2 погребения I – началом II века н.э., 10 погребений – второй половиной I – первой половиной II века н.э., 2 погребения – второй половиной I века н.э., 14 погребений – I веком н.э. В общей сложности более узкую датировку, чем I – II вв. н.э. имеют 45 комплексов. При определении хронологии Р.Р. Саттаровым не подсчитывается процентное соотношение разных типов бус, что могло бы уточнить время совершения захоронений, как, например, это было сделано В.В. Гришаковым для погребений Андреевского кургана (Гришаков, 1999).

Следует также отметить, что Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (2016) на материалах Тарасовского могильника была разработана более дробная периодизация пьяноборских древностей, нежели та, которая получена в диссертации по бусам. Использование этой периодизации позволило бы внести коррективы в хронологию бусинных комплексов, что создало бы основу для выделения не одного, а двух-трех этапов. Причем, как показал опыт работы с материалами Андреевского кургана (Ставицкий, 2017), хронология этапов поступления античных импортов к варварам обусловлена крупными политическими событиями, имевшими место на границах Римской империи. Аналогичных взглядов придерживаются и ведущие исследователи сарматских древностей А.С. Скрипкин, Б.А. Раев, А.В. Симоненко и др. С каждым из этих событий связана определенная волна импортов, набор которых является главным датирующим фактором. Именно по времени поступления этих импортов к варварам, а не по времени их полного бытования в метрополии следует датировать погребальные комплексы.

Второе место по количеству находок импортов на пьяноборских памятниках занимают зеркала из высокооловянистых бронз и изготовленные из них украшения. Аргументация их сарматского происхождения в диссертации представляется весьма убедительной. Поскольку в Прикамье их использовали в качестве расходного материала, то вряд ли импортировали специально, скорее всего это были трофеи, которые не употребляли по их прямому назначению.

На основании находок накладок с противопоставленными головами грифонов Р.Р. Саттаров делает вывод об импорте этих изделий от населения кара-абызской культуры. Однако из 22 находок накладок, 18 происходят из одного погребения Юлдашевского могильника, в котором пояс с накладками положен вдоль костяка в соответствии с кара-абызскими погребальными канонами.

В третьей главе диссертации импортные предметы рассматриваются, как индикатор межкультурных контактов пьяноборского населения. В ней подводятся итоги по выводам, часть которых уже была обозначена в предыдущем разделе и получила нашу оценку. Проанализировав пространственное и хронологическое распределение импортных предметов в материалах пьяноборской культуры, Р.Р. Саттаров приходит к заключению, что находки первого этапа единичны. Предметы второго этапа представлены более разнообразными категориями, распределение и концентрация которых по территории пьяноборской культуры различны. В их распространении усматриваются различия количественного и типологического порядка, которые свидетельствуют о движении импортов с южных памятников пьяноборской культуры к северным.

Отметим, что сделанные автором выводы детально аргументированы, достоверны и достаточно оригинальны, а также наглядно проиллюстрированы графическими материалами в приложениях к диссертации. Наиболее важен вывод о территориальных различиях в распределении разных категорий импортных изделий и их частичном несовпадении с путями поступления бус. Все это свидетельствует о различных обстоятельствах получения импортов населением пьяноборской культуры. Очевидно, что в ходе регулярных обменно-торговых операций в Прикамье целенаправленно поступали лишь бусы, причем только со второго этапа. Все остальные категории импортов попадали к местному населению либо в результате спорадических контактов с их ближайшими соседями, либо в ходе военных конфликтов с населением отдаленных территорий, инициаторами которых, видимо, выступала воинская элита писеральско-андреевского сообщества.

Вслед за А.С. Скрипкиным автор диссертации связывает интенсификацию торгово-обменных операций пьяноборского населения с началом функционирования северного ответвления Великого шелкового пути в I в. н.э. Однако данное событие свидетельствует лишь об изменениях политической обстановки в Причерноморских степях, по которым и проходил этот путь. Для территорий, лежащих к северу от степей, более важное значение имела военно-

политическая активность писеральско-андреевского населения, походы которого на юг, возможно, и проложили дорогу для налаживания торговых контактов. В этой связи нельзя не отметить, что характер поступления бусинного импорта на рубеже эр кардинально меняется не только для пьяноборского населения, но и для дьяковского, южными соседями которого были писеральско-андреевские племена.

Р.Р. Саттаров уверенно связывает поступление основной массы бус, кинжалов 1-3 типов, мечей, «зеркал», нашивных бляшек, фибул, пластин от доспеха, шлема, стеклянной и металлической посуды на территорию Прикамья с кочевниками-сарматами. С данными выводами в основном следует согласиться. Однако для того, что бы быть уверенным в наличие сарматского посредничества в импорте бус следовало бы на уровне кластер-анализа сравнить содержание бусинных комплексов пьяноборского, сарматского и писеральско-андреевского населения.

Как В.А. Иванов и Б.Б. Агеев, автор диссертации связывает поступление бус к пьяноборскому населению с античными центрами Северного Причерноморья. Однако, несмотря на длительные исследования этих центров, здесь до сих пор зафиксирована всего одна мастерская, в которой могли производить бусы только из привезенных полуфабрикатов (Румянцева, 2012). Очевидно, что она не покрывала потребностей даже местного населения, и в первые века нашей эры основная масса бус поступала в Северное Причерноморье из сирийских и италийских мастерских. Вероятно, более сложный характер имели и импортные операции, связанные с трансляцией бус к варварам северно-восточных территорий. Судя по имеющимся материалам, причерноморское население не было заинтересовано в налаживание торговых контактов с территориями, расположенными севернее локализации сарматских племен. Отсутствие в пьяноборской культуре массовых образцов сарматского производства свидетельствует, что и сарматы не поддерживали активных торговых контактов со своими северными соседями. В связи с чем, возникает вопрос: а не могло ли население лесостепной зоны само выступать инициатором обменно-торговых предприятий с целью получения продукции, имевшей для них престижный характер?

В определенной корректировке нуждаются выводы Р.Р. Саттарова о динамике межкультурных контактов пьяноборцев с кара-абызскими племенами. Автор диссертации констатирует отсутствие между ними связей на раннем этапе и

фиксирует эпизодические контакты на втором этапе, которые аргументируются единичными находками накладок в виде противолежащих голов грифонов. Между тем в пьяноборских памятниках первого этапа известно немало вещей, которые находят практически полные аналогии в кара-абызских древностях. К ним относятся височные подвески с витой трубицей, подвески в виде знака вопроса, дисковидные бляхи, пряжки с неподвижным крючком и др. Однако данные изделия не учитываются Р.Р. Саттаровым в силу того, что они вошли из кара-абызских древностей в пьяноборскую культуру изначально, на этапе её формирования или были получены из общего источника. И только после того, как население данных культур обособилось, у исследователей появляется возможность фиксировать поступления импортов из среды бывшего близкородственного населения. Таким образом, наибольшая интенсивность пьяноборско-кара-абызских контактов все же имела место на раннем этапе существования пьяноборских древностей и только впоследствии связи между ними приобретают спорадический характер.

Следует отметить, что высказанные нами замечания ни в коей мере не умаляют ценности большой и плодотворной работы, проделанной Р.Р. Саттаровым по систематизации предметов импорта в пьяноборской культуре. В результате чего им создан доброкачественный источник, интерпретация материалов которого позволит в дальнейшем прийти исследователям пьяноборских древностей к новым интересным выводам. Собственно говоря, именно благодаря систематизированным Р.Р. Саттаровым материалам и объективности его исследования, у нас появилась возможность оспорить некоторые выводы его диссертационной работы.

Таким образом, диссертация Р.Р. Саттарова отвечает всем необходимым квалификационным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Исследование Р.Р. Саттарова является актуальным, его содержание соответствует заявленной теме, структура работы логична и последовательна, объект, предмет и цель исследования определены верно, поставленные в нем задачи успешно решены, положения вынесенные на защиту детально аргументированы, научная новизна диссертации не вызывает сомнений. Дискуссионность ряда высказанных положений, несомненно, будет способствовать привлечению исследователей к поднятой им проблеме. Основные положения диссертации апробированы на ряде конференций, в трех изданиях, входящих в перечень ВАК и ряде других изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты

диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Автореферат диссертации полностью соответствует её содержанию.

Диссертация Р.Р. Саттарова является самостоятельной научно-квалификационной работой, которая содержит ряд научно-значимых результатов, полностью соответствует паспорту специальности 07.00.06 – Археология и требованиям пп.9,10,11,12,13,14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации №842 от 24 сентября 2013 г. (в ред. от 1.10.2018).

Р.Р. Саттаров заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – Археология.

Доктор исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории и обществоведения
историко-филологического факультета

Пензенского государственного университета

 В.В. Ставицкий

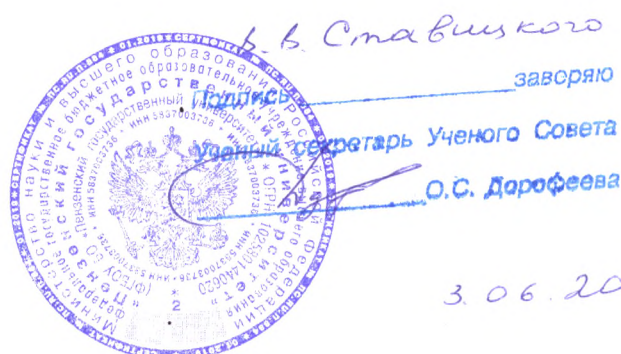
Адрес места работы:

440026, г. Пенза, ул. Красная 40

Пензенский государственный университет

Телефон 8 (841-57) 3-89-38

e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

3.06.2019г.